

солнечный, но и свет ночного космоса оплодотворяет нашу землю, связан с жизнью человека, крестьянина. Тут можно вспомнить прекрасные строки Николая Клюева: «От звезд до луковой гряды.— Все в вешем шепоте и хрустах...» Сегодня уже никого не удивляет выражение «крестьянский космос», а когда-то надо было доказывать, что земледелец просто из-за своей незащищенности, открытости перед стихией был, и очень тесно, связан со стихией, с природой во всех ее проявлениях. Что касается «крестьянского космоса» в поэзии, то, может быть, наиболее сильно и органично он проявился именно в первой трети нашего века, когда перевалившая за свою роковую черту (но еще мощная) старая крестьянская культура в лице интеллигентов из народа в последний раз встретилась с культурой письменной и машинной и освоила огромный опыт этой «новой» культуры.

Как известно, встреча двух культур вообще многое обусловила в творчестве Есенина и Клюева, Клычкова и Ширяевца, Наседкина и Радимова... И в творчестве Алексея Ганина.

Ганин оставил нам несколько десятков стихотворений, большие и маленькие поэмы: «Звездный корабль», «Былинное поле», «Памяти деда», «Облачные кони», «Разуму», «Песня о трех цветках» и др. Изучение творческого наследия поэта только начинается. Оно осложнено тем, что бумаги Ганина и архивы его родственников почти не сохранились, а произведения поэта, как уже было сказано, почти не переиздавались. Тем не менее сегодня можно и нужно обозначить основные особенности поэтического мира Алексея Ганина,

Интересно сравнить жизненный путь Ганина и Есенина. Сергей Есенин, родившийся в селе Константинове, которое никак нельзя назвать глухоманью, в юности как бы сразу, минуя Рязань, перешел в столичный мир. И сразу целиком посвятил себя поэзии. Ганин на два года старше своего друга-поэта, и путь его был далеко не так стремителен. Из глухого Коншина Алексей Ганин постепенно как бы переходит в другие места и другие состояния: сначала волостное село Устье и определенное культурное влияние уездного городка Кадников, затем — губернский город Вологда, где будущий поэт учится в медицинском училище (у Ганина в отличие от Есенина была, так сказать, «мирская» профессия, которой он отдал много сил и времени), с 1914 года фельдшер Ганин служит в Николаевском военном госпитале, начинает публиковаться в петроградских газетах. Как пишет Н. Парфенов, «по состоянию здоровья в 1916 г. Ганин был демобилизован и вернулся в родную деревню. Крестьянствовал. Работал на волостном фельдшерском пункте. Удивительно отзывчивый на чужую беду, он в любое время дня и ночи по вызову и без вызова шел на помощь захворавшему человеку...»

Ганин был знаком с обширной литературой — от Гегеля и Маркса до современных ему поэтов. Если Есенин уже в 19 лет познакомился с Блоком (конечно, не на равных), то Ганин знал поэтов в основном по книгам. Видно, болезнь усугубляла врожденную созерцательность, которая питала романтические мечты. А в иные годы поэт-романтик видел в окружающей жизни лишь кровь и страдания, грязь и надлом. В 1918 году

Ганин снова служит фельдшером в Красной Армии, на Севере. Как вспоминают современники, условия работы были крайне тяжелыми. Ганин сознательно выбирал трудный путь...

Примерно в 1920 году поэт снова в Вологде, он армейский культпросветработник, учитель в педагогическом институте. В этом же году в Вологде вышел по сути дела первый отдельный сборник стихов поэта — «Звездный корабль», книжечка в 64 страницы. Сергей Есенин издал свою первую книгу на четыре года раньше, и участвовал он в тогдашней жизни, в революционных событиях в основном своими стихами, своими выступлениями в печати и перед слушателями.

С 1923 года Ганин жил в Москве, его жизнь как бы пошла по второму кругу. Есенин в это время был в длительной заграничной поездке... Заканчивая беглое сопоставление жизненного пути двух поэтов, надо сказать об их отношении к революции. В письме Есенина Клюеву, писаном в 1916 году, есть интересная фраза, которую вологодские нынешние краеведы не любят цитировать полностью, дабы не обижать читателей-земляков: «Сидел тут еще Ганин, у него, знаешь, и рот перекосялся совсем от заевшей его пустой и ненужной правды. Жаль его очень, жаль потому, что делает-то он все так, как надо, а объясняет себе по-другому» (С. А. Есенин, Собр. соч. в 6-ти томах, т. 6, М., 1980, с. 72). Судя по тексту письма в целом, Есенин имеет в виду привычку Ганина идеализировать события и людей, некоторый его максимализм, умозрительность. Но Есенин был не во всем прав, и вообще его письмо никак не может ронять Ганина в наших глазах. В первых, горячая преданность идее и идеалу — это совсем неплохо. Во-вторых, как мы дальше увидим, в жизни и стихах Алексей Ганин не раз бывал трезвее и жестче своего товарища. Это относится и к вопросу о революции.

Известно, что Есенин, приветствуя Октябрь, принимал все по-своему, «с крестьянским уклоном». У Николая Клюева этот уклон был еще круче. Ганин тоже не избежал такого уклона. Но он стремится общечеловечески осмыслить революционные перемены. Это чувствуешь даже по таким строчкам:

Вспахать бы все поле,
Вспахать бы все горы,
Доехать до края земли,
Где синие рощи в туман прилегли,
Где вольная воля
И Ляды кольцо золотое.

(«Былинное поле»)

Если Есенин в первые годы революции широко использовал библейскую символику, то Ганин в своих отвлеченных стихах был, так сказать, «мирским» символистом.

От боли в сад, где скрылся вечный день,
Моя душа лучом от нас умчалась,
И я, как прах, а ты — кривая тень
В туманах лжи, злословья, закачалась.
Мы прежнее сожгли и убежали прочь...

(«Разуму», 1919 год)

Надо сказать, что в этом стихотворении (или маленькой поэме) есть строки замечатель-

ные, и я их еще приведу, но местами действительно чувствуется сильное влияние Блока («Соловьиный сад»), близость к другим символистам.

В лучших своих стихах Алексей Ганин — тонкий лирик, интересный философ (вот слово, которое по многим причинам редко применяется к стихам Есенина), темпераментный оратор. Он воспринимает революцию трагичней, чем Есенин. В лирике Есенина, не в укор ему будет сказано, мало отразилась кровь революции, кровь и пот гражданской войны. Ганин иногда очень резок и всегда драматичен, всегда думает о жертвах, хоть и выражает это не всегда конкретно. Есенин емко и образно пишет о городе, о «стальном» будущем, в котором видит почти всегда только врагов: «стальная конница», «на лапах чугунных поездов». У Ганина — кровь: «венец с кровавыми зубами», «кровью метил», «красный дым вселенской печи». Ганин тоже пишет емко и образно, но более резко: «чугунный гад» (сравни с «чугунным поездом» Есенина) дотянулся у него даже до звезд, а кругом — грозы, страшные тайны (стихотворение «Разуму»), кругом — «каменный вой» «бездременной поры», «огонь в краю родном» (стихотворение «Россия»)...

Никто не понимает буквально слова Есенина о том, что «старую» Россию он «за бедность полей разлюбил». Точно так же и Ганин, принимая эстафету от Блока, всем сердцем любит свою Россию. Хоть и послереволюционная, но она все еще «нищая» и «полевая», и надо же ее кому-то любить!..

Возвращаясь к мысли о лиричности, философичности и ораторском пафосе Ганина, проиллюстрирую это тремя отрывками. Впрочем, небольшое стихотворение «Предутрие», написанное в 1917 году, можно привести полностью:

С полей уходит ночь. А день еще в далеком.
Задумалась пора. Минуты не спешат...
Заря чуть брезжит в муть. Ярка звезда

востока.

Кого в белесой мгле погоды сторожат?
По скатам и холмам горбатые деревни,
Впивая тишину, уходят в глубь веков.

Разросся темный лес, стоит, как витязь
древний,

В бровях — седые мхи и клочья облаков.
И будто жизни нет. Но песня жизни всюду!
В улыбке василька рожанье сны сбывлись.
Рождается рассвет... И где-то близко чудо:
Как лист падет звезда, и солнцем станет
лист.

Надо ли как-то комментировать это замечательное стихотворение? Может быть, особенно поэтичны и глубоки выделенные строчки. Вообще бросается в глаза высокий поэтический уровень стихотворения. Ганин здесь совершенно оригинален, независим. К лучшим лирическим стихотворениям поэта можно отнести также «Утро», «Лесные купели», «Кто-то тихо пропел за полями...», «Покос», «Мне гребень нашептал...», «Тоска», «Отход» и другие. Это стихи разных лет, разного настроения. Многие строки Ганина говорят о том, что он прекрасно владел словом. Чаще всего привычные слова и образы, как по волшебству, превращаются в поэзию.

Захожий отдых странствует по селам.

Коса и серп не помнят о страде,

Порой пропляшет в гумнах цеп веселый,
И поздний грач испугнется на гряде...

(«Зубастый серп прошел...»)

Основные мотивы философских стихотворений Алексея Ганина — жизнь и смерть, бег времени, бренность жизни. И ограниченность человеческого разума, как в стихотворении балладного типа «Разуму» (1919). Разум выступает здесь как «бедный шут», двойник поэта.

Мой бедный шут, мой поводырь слепой,
Мы подошли к вратам последней тайны,
А ты кричишь и тешишься игрой,
Как в первый час зари моей случайной...

Ты не узнал творящего огня...

Ворвался в храм с гремушкой небылиц,
Где вечность держит солнечную чашу
И медом жизни поит райских птиц,
И бросил яд, чтоб вечность стала краше.
Я «бог богов» в безумье начертал...

Поэт четко и хлестко выразил свою мысль, высмеял своего самонадеянного двойника, который «ворвался в храм» природы и человека с набором головных идей, с надеждой на голое знание и как бы на аркане тащит людей в «светлое будущее». Конечно, Ганин здесь иронизирует и над собой, вспомним эпизод из письма Есенина Ключеву. Видимо, стихотворение «Разуму» напрямую связано с размышлениями поэта о революции, о путях России, с метаниями и сомнениями многих художников того времени.

У Ганина есть и философская лирика, и множество отдельных стихов, которые живут в русле традиций русской философской поэзии. Не только Есенина вспоминаешь, читая такие строки:

Не затем ли сеют, чтоб сжинать,—
Не затем ли жнут, чтоб снова сеять...
(«Звездный корабль»)

Для Ганина, повторяю, это был непростой вопрос, он часто смотрел на жизнь трагически, ибо видел много жертв. Но иногда скорбел по незначительным поводам, если можно так сказать, и тут уж старался посмотреть на себя критически. Постоянная рефлексия — одно из свойств личности Ганина.

Еще несколько строчек, не всегда оригинальных, но стройных и крепко скроенных: «У мудрых цели нет, у мудрых нет беды», «Я в вечность отхожу с тропинки бытия», «Будь мудрым. Меняя личину, лицо сбереги для себя...», «Что шумные игры и слава и пляски на пире людском?» и т. д.

Среди публицистических, или, как я их определил, ораторских стихотворений Ганина самое яркое — «Россия» («Гонимый совестью незримой...»), написанное в 1917-18 годах.

...К тебе пришел я, край родимый,
Чтоб полюбить, прощая всех!
В твоих полях, в твоём покое,
В шелковых мхах твоих ланит... —

довольно мягко начинает поэт и тут же —
От зла и каменного воя
Я думал сердце схоронить...
Опять над Русью тяготее
Усобиц княжичий недуг,
Опять татарской былью веет
От расписных узорных дуг...

С помощью риторических повторов, архаической лексики Ганин накаляет атмосферу стихотворения, он проповедует. Мы слышим здесь не только сильное блоковское начало (сравни: «Опять, как годы золотые... И вязнут спицы росписные...»), но и переключку с другими поэтами — «новокрестьянскими». Кроме «татарской были» у Ганина «в узорных челнах Стенька Разин», и точно так же Есенин и его соратники часто использовали эти образы народных заступников — Пугачева, Разина и других — в своем творчестве, заставляя их звучать современно.

Стихотворение Ганина «Россия» идеологически очень насыщено. Поэт говорит:

И днем и ночью грозно пляшет
Огонь и смерть в краю родном.
Умолкли песни голубые,
И с травяной твоей спины
Сорвали ризы парчевые
Твои неверные сыны...

Трудно пока судить о мировоззрении Ганина, о том, как он относился к современным событиям на самом деле и насколько адекватно это отношение выражено его стихами. А заканчивает он свое программное стихотворение неопределенно и весьма неоригинально, поэт риторически обращается к России: «...Но чует сердце огневое,— Ты станешь песней (в др. варианте — сказкой) для веков».

В похожем ключе написаны стихотворения «Далекий век, от колыбели...» (1917), «Братья, плотнее смыкайте ряды...» (1918), ударный риторический слог встречается иногда в поэмах Ганина.

...Теперь пора попытаться выделить основные особенности поэзии Алексея Ганина, ее характерные черты. Особенности эти, очевидно, обусловлены происхождением поэта, обстоятельствами его жизни, о которых уже шла речь. В ранних стихотворениях Ганин несколько скован, не вполне самостоятелен — заметно влияние символистов и крестьянской поэзии. Потом появилось мастерство, самостоятельность, но до самого конца в поэзии Ганина наблюдается причудливое сосуществование разных школ и стилей. В одно и то же время Ганин писал стихи символистские, и классические, и «под Есенина», и в духе традиционного фольклора. Даже не верится, что это написал один и тот же поэт:

Мужичий гам, румяный бабий говор
Польются след с нехоженой тропы.
А впереди: и синь, и косогоры,
Ромашки и росистый смех травы...
(1918)

Стонала дважды судная труба,
Наш путь крестом встает в плаву^{мраке}чел
Из тайных врат глядит на нас судьба,
И луч души на камнях чертит знаки...
(1919)

— Где ж справляти нам сварбу великую,
как не в поле широком Микуловом?
— Ну-ка, тучки, раздайтесь,
не застуйте,
наше небо не пачкайте копытью;
а мы ждали гостей да не эдаких...
(1917-23)

Кто-то тихо пропел за полями,
Промелькнул у реки в камышах,
И как прежде взмахнула крылами,
Зоревыми крылами душа...

(1918-20)

Цитировать можно много. Последние четыре строки (да и целое, уже цитированное стихотворение «Предутрие» 1917 года), по-моему, — один из образцов подлинного голоса Ганина, интеллигента того времени, усвоившего опыт русской классической поэзии. Здесь поэт в чем-то опередил свое время, это трудно объяснить, но слышится мне в этих стихах интонация и словесный строй нашего времени, рубцовская интонация, например (стихи Рубцова «Кто-то стонет на темном кладбище...», «Чудный месяц горит над рекою...», строки из «Старой дороги» — «Душа, как лист, звенит, переключаясь со всей звенящей солнечной листвой...» и др.). Интересно, что предки Н. Рубцова по отцу жили в тех самых местах, откуда вышел Ганин...

Не лучшего сорта стихи в духе символизма писал Ганин и в начале своего пути, и в середине, и в конце. В символистском ключе выдержана и большая поэма «Звездный корабль», которую я уже цитировал. Станислав Куняев опубликовал из пяти частей поэмы только одну — вторую. Эта часть самобытней, значительней других. Но чтобы понять содержание всей поэмы, нельзя обойтись без четвертой части. Попробую передать ее суть. В начале герой поэмы говорит: «Я вылил чашу звездного сока на грудь земную, в земные очи...» Похоже, что Ганин не заимствует мифы, а часто сам их творит, фантазия у него богатая. И вот дальше: «вышел Ангел», и многоглавые кони «опрокинули ниц» некий «черный Город» и «бичами молний избивали пашни». И —

Красный сумрак
Упал на горы...
Умерли люди
В тоске безмерной...
И вот я вылил
Вторую чашу...
Сгорели кони
В пожарах крови...

Восстал из развалин...
Новый город
С всемирным храмом
С лазурными башнями
В золотом частоколе...

Вслед за этой утопией идет идиллия — причащение земли «новой радостью» у «великого Древа». Герой поэмы возвращается «из царства Ночи к земным долинам». В своей поэме Ганин попытался примирить противоречия: идеал и жизненную реальность. Мировое Древо в мифопоэтическом сознании как раз и воплощает целостность мира, объединяет небо и землю и т. д. Надо ли говорить, что у Ганина здесь много мировоззренческих натяжек. Есть и поэтические натяжки. Прежде всего удручают многословие, повторы, всяческие абстрактные «глаголы судьбы», «замирная глубь» и т. п. Кстати, в первой части поэмы есть (почти по Блоку) даже некая Прекрасная Дама... Не спасает положения и последняя, пятая часть поэмы — есть тут интересные места, но в целом это некоторые ито-

говые по замыслу Ганина истины типа: «будь мудрым», «ты временный гость» на земле...

К символизму, как и к другим школам, обращались многие крестьянские поэты, но для них это всегда было эпизодом или вообще случаем случайностью. Например, у Пимена Карпова:

Ты вороном над бором старым,
Багряный колокол, гуди,
Пролейся трепетным ударом
И Русь глухую пробуди...

Или промелькнут где-нибудь у Василия Наседкина «багряные одежды», а у Александра Ширяевца «венец алмазный»...

У Ганина же, повторю, символизм и другие поэтические культуры сосуществовали постоянно. В этом, наверное, уникальность Ганина-поэта. Мы можем говорить о необычайной эстетической широте его творчества. Если любой профессиональный поэт старается выдержать стилистическое, эстетическое единство не только в каждом своем стихотворении (в пределах стихотворения), но и в своем творчестве в целом (по крайней мере в большом его периоде), то Ганин поступает иначе. Он стремится лишь к первому и совершенно почти игнорирует второе! Работая сразу во всех направлениях, Ганин-поэт тем самым стоял как бы вне направлений. В каком-то смысле это можно назвать «творческой свободой» непрофессионала. Ганин как бы «не хотел» быть профессиональным поэтом (припомним тут и биографию). И это не снижает уровня его стихов. Это лишь корректирует его творческий метод, его отношение к своим стихам...

Вторая особенность поэзии Ганина относится уже к области содержания. Содержание его поэзии противоречиво в том смысле, что романтические картины и помыслы соседствуют в ней с мыслями глубоко пессимистическими. Видимо, это обусловлено и характером Ганина-человека, и теми драматическими обстоятельствами его жизни, о которых уже говорилось. У российских поэтов и всегда был в сердце родной «печальный и убогий край» (Ганин), «Эти бедные селенья» (Тютчев), «давно знакомая сердцу печаль» (Ганин)... Но по-разному складывались поэтические судьбы современников Ганина, разным было их понимание революции и пути России. В этих заметках, например, уже говорилось, что Алексей Ганин трагичней других воспринимал события истории, вообще жизнь человека. А рядом в его стихах — безудержный романтизм или приятные абстрактные мечтания. Стихотворение «Певучий берег» (1916) Ганин начинает как завязанный поэт-романтик:

Буйным вихрем к забытому дому
я на буре-коне прискакал...

А заканчивает его строками о «злых годах» и «слепом лихолетье земном». Ганин многое подвергает сомнению, он часто недоверчив. В своем пессимизме он бывает очень резок и определенен. Блок говорит: «Как тя-

жело ходить среди людей и притворяться непогибшим...» У Есенина мы читаем: «Кто погиб здесь, умер? Уж не я ли сам?...» А Ганин пишет: «Мертвым сижу у порога избы», «все изломалось» («Тоска»), «кто-то юность мертвую хоронит» («В нагих полях...») и т. д.

В газете «Красный Север» за 1923 год разыскал я забытое стихотворение Ганина «Опротивели лица людей...» Очень жесткое начало. Но к концу стихотворения автору все же удалось «на безлюдьи размыкать беду», и последняя строчка звучит уже в мажоре — «где-то счастье поет и звенит».

Анализируя выше стихотворение «Разуму», я употребил слова *высмеял*, *иронизирует*. Надо уточнить, что смех и ирония не характерны для стихов Ганина. Не говоря уже о доброй улыбке, юморе, шутке, детском смехе... Если это и есть, то только как исключение. Ганин постоянно серьезен, мучительно серьезен. «Ради вечного дня» он как бы наложил на себя обет неулыбчивости, печали. Постоянным сомнением, скептицизмом он поверяет истины, которые, по его мнению, могут принести радость будущему человечеству.

Очевидно, что пессимизм Ганина навеян и его увлечением философией. В философские стихи пессимизм мог входить и по традиции. Русскую философскую лирику поэт знал хорошо. Она на него влияла иногда очень прямо: «Быстрой, быстрее течет мой след в небытие, назад...» (уже цитированные строки Ганина), «Скорей, скорей в твоё небытие!» (А. Фет). Философская ориентация — это, видимо, еще одна, третья особенность ганинской поэзии. Больше никто из «новокрестьянских поэтов» не имел такой сильной склонности к философии.

По мере знакомства с поэзией Ганина возникают и будут возникать все новые проблемы и вопросы. О некоторых сложностях их разрешения я уже говорил. Добавлю, что не переиздан не только Ганин, но и все остальные «новокрестьянские поэты», кроме Есенина и недавно введенного в широкий читательский и научный оборот Клюева. Если признать, что Ганин поэт философского склада, то надо говорить о философии, в том числе о современной ему философии, которую мы почти не знаем. Многие прояснили бы мемуарные свидетельства о поэте, но, к сожалению, их почти нет...

По настроению многие стихотворения Ганина печальны. Но писал он ради радости, его любимый образ — солнце, солнышко. Солнцем пронизано все стихотворение «Памяти деда». Одно из откровений поэта: «Я и солнышко — мой ясноглазый друг...» К Алексею Ганину очень подходят слова Блока:

Простим угрюмство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света...

Думаю, что будущие читатели Ганина простят и все поймут, разберутся. Поручкой тому — несомненный талант поэта и его чело-